

Европейский Суд по правам человека
Вторая секция
Дело “Сидабрас и Дžiaутас (Sidabras and Džiautas) против
Литвы”
(Жалобы № 55480/00 и 59330/00)
Постановление
Страсбург, 27 июля 2004 г.

Настоящее постановление становится окончательным согласно условиям пункта 2 статьи 44 Конвенции. В текст могут быть внесены редакционные поправки.

В деле “ Сидабрас и Дžiaутас против Литвы” Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая палатой в составе:

Л. Лукадеса (L. Loucaides), Председателя,

Ж.-П. Косты (J.-P. Costa),

К. Бырсана (C. Bîrsan),

К. Юнгверта (K. Jungwiert),

В. Буткевича (V. Butkevich),

В. Томассен (W. Thomassen),

А. Муларони (A. Mularoni), судей,

при секретаре секции С. Долле (S. Dollé), 21 октября 2003 г. и 6 июля 2004 г. провел совещание за закрытыми дверями и 6 июля 2004 г. вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобам (№ 55480/00 и № 59330/00) на Республику Литвы, поданным в Суд двумя гражданами Литвы г-ном Юозасом Сидабрасом (Juozas Sidabras) и г-ном Кястутисом Дžiaутасом (Kęstutis Džiautas, *далее*-заявители) соответственно 29 ноября 1999 г. и 5 июля 2000 г. согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* - Конвенция).

2. Интересы заявителей представлял г-н Е. Моркунас (E. Morkūnas), адвокат, практикующий в Шяуляе, и г-н В. Баркаускас (V. Barkauskas), адвокат, практикующий в Вильнюсе. Литовское правительство (*далее* - правительство) было представлено своими уполномоченными лицами г-ном Г. Сведасом (G. Švedas) и г-жой Д. Йочене (D. Jočienė), сотрудниками министерства юстиции.

3. Заявители, в частности, утверждали, что они потеряли работу и их возможности трудоустройства были ограничены в результате применения, в нарушение статей 8, 10 и 14 Конвенции, Закона "Об оценке Комитета государственной безопасности СССР (НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ) и нынешней деятельности кадровых сотрудников этой организации".

4. Жалобы были переданы в ведение Третьей секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В соответствии с пунктом 1 правила 26 из состава секции для рассмотрения дела была образована Палата (пункт 1 статьи 27 Конвенции). Г-н П. Курис (P. Kūris) - судья, избранный от Литвы, от участия в заседании отказался (правило 28). Правительство соответственно назначило для участия в заседании г-на Ж.-П. Косту, судью, избранного от Франции (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента).

5. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав секций (пункт 1 правила 25). Дело было передано в ведение Второй секции нового состава (пункт 1 правила 52). В соответствии с пунктом 1 правила 26 из состава секции для рассмотрения дела была образована Палата (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

6. Палата решила объединить жалобы заявителей в одно производство (пункт 1 правила 42).

7. Слушание проходило в открытом заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 1 июля 2003 г. (пункт 3 правила 59).

В заседании Суда приняли участие:

(а) *от правительства*

Д. Йочене,

уполномоченное лицо,

(б) *от заявителей*

Е. Моркунас,

В. Баркаускас

адвокаты.

Суд заслушал их заявления.

8. Решением от 1 июля 2003 г., принятым после слушаний о приемлемости жалоб и по существу (пункт 3 правила 54), Суд объявил жалобы частично приемлемыми.

9. Заявители и правительство представили письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Первый заявитель, г-н Юозас Сидабрас, гражданин Литвы, 1951 г. рождения, проживает в Шяуляе. Второй заявитель, г-н Кястутис Дžiaутас, гражданин Литвы, 1962 г. рождения, проживает в Вильнюсе.

Сообщенные сторонами факты можно резюмировать следующим образом.

A. Первый заявитель

11. В 1974 г первый заявитель окончил Литовский институт физической культуры по специальности преподаватель физической культуры.

12. В период 1975-1986 гг. первый заявитель являлся сотрудником Комитета государственной безопасности Литовской ССР (далее - КГБ). После провозглашения Литвой независимости в 1990 г. первый заявитель поступил на работу в качестве налогового инспектора в налоговое управление.

13. 31 мая 1999 г. два литовских ведомства, Департамент государственной безопасности Литвы и Центр исследований геноцида и сопротивления литовского народа, приняли совместное решение о том, что первый заявитель подпадает под ограничения, установленные статьей 2 Закона "Об оценке Комитета государственной безопасности СССР (НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ) и нынешней деятельности кадровых сотрудников этой организации" (далее – Закон, см. ниже раздел "Соответствующее внутреннее законодательство и практика"). Совместное решение подтвердило, что первый заявитель имеет статус "бывший сотрудник КГБ" (см. пункт 27 ниже). 2 июня 1999 г. первый заявитель был уволен из налогового управления на основании этого решения.

14. Первый заявитель подал административную жалобу на органы безопасности Литвы. По его словам, во время работы в КГБ он занимался исключительно вопросами контрразведки и идеологии и не был причастен к нарушениям этой организацией прав человека. Он заявил, что его увольнение и, как следствие, невозможность найти работу из-за применения к нему статьи 2 вышеуказанного Закона, являются незаконными.

15. 9 сентября 1999 г. Высший административный суд постановил, что решение от 31 мая 1999 г. было обоснованным и что первый

заявитель подпадает под ограничения, установленные статьей 2 Закона. В этой связи Суд указал, что на первого заявителя распространяется понятие "бывшего сотрудника КГБ", предусмотренное Законом, поскольку он занимал одну из должностей, приведенных в перечне от 26 января 1999 г.

16. 19 октября 1999 г. Апелляционный суд отклонил жалобу первого заявителя. Суд пришел к выводу, что первый заявитель не занимал в КГБ должность, связанную только с расследованием уголовных преступлений, и поэтому на него не распространяются исключения, предусмотренные статьей 3 Закона.

Б. Второй заявитель

17. Второй заявитель, дипломированный юрист, в 1980-х годах окончил Вильнюсский университет (точная дата не сообщалась).

18. С 11 февраля 1991 г. второй заявитель работал прокурором в Генеральной прокуратуре Литвы. Он расследовал, в частности, дела, связанные с организованной преступностью и коррупцией.

19. 26 мая 1999 г. Департамент государственной безопасности Литвы и Центр исследований геноцида и сопротивления литовского народа приняли совместное решение о том, что в период 1985-1991 гг. второй заявитель являлся сотрудником литовского отделения КГБ, что он имеет статус "бывший сотрудник КГБ", и что в силу этого он подпадает под ограничения в соответствии со статьей 2 Закона. 31 мая 1999 г. на основании указанного решения второй заявитель был уволен из Генеральной прокуратуры.

20. Второй заявитель подал административную жалобу на органы безопасности Литвы и Генеральную прокуратуру. По его словам, в 1985-1990 гг. он всего лишь учился в специальном учебном заведении КГБ в Москве, а в 1990 -1991 гг., работая в КГБ, являлся информатором органов безопасности Литвы, и в силу этого он должен иметь право на применение к нему исключений, предусмотренных статьей 3 Закона. Он заявил, что его увольнение и, как следствие, невозможность найти работу из-за применения к нему вышеуказанного Закона, являются незаконными.

21. 6 августа 1999 г. Высший административный суд удовлетворил жалобу второго заявителя, отменил совместное решение от 26 мая 1999 г. и вынес постановление о восстановлении его на работе. Суд пришел к выводу, что на период учебы второго

заявителя в школе КГБ (1985 -1990 гг.) положения Закона не распространяются, что заявитель работал в КГБ в 1990-1991 гг. в течение пяти месяцев, что он не занимал в КГБ должность, связанную с расследованием политических дел, и что, в любом случае, он являлся секретным информатором литовских властей. Суд постановил, что ко второму заявителю могут быть применены исключения, предусмотренные статьей 3 Закона и что, в силу этого, его увольнение является незаконным.

22. По жалобе литовской службы безопасности Апелляционный суд постановлением от 25 октября 1999 г. отменил решение Высшего административного суда от 6 августа 1999 г. Апелляционный суд указал, что, хотя вывод суда первой инстанции о том, что второй заявитель работал в КГБ только пять месяцев был правильным, не было установлено, что, работая там, он был секретным информатором литовских властей. Соответственно, предусмотренные статьей 3 Закона исключения не могут быть применены к нему.

23. Второй заявитель обжаловал данное постановление. Решением от 28 января 2000 г. председатель Верховного Суда принял жалобу к рассмотрению. Однако, своим окончательным решением от 20 апреля 2000 г. Верховный Суд, заседая в полном составе, отказался рассматривать эту жалобу и прекратил производство по ней в связи с отсутствием полномочий.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

24. Закон "Об оценке Комитета государственной безопасности СССР (НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ) и нынешней деятельности кадровых сотрудников этой организации" (*Istatymas dėl SSRS valstybės saugumo komiteto (NKVD, NKGB, MGB, KGB) vertinimo ir šios organizacijos kadrinių darbuotojų dabartinės veiklos*) был принят 16 июля 1998 г. Литовским Сеймом (Парламентом), подписан и обнародован Президентом Литовской Республики. Ниже приводится текст Закона.

Статья 1

Признание Комитета государственной безопасности СССР преступной организацией

"Комитет государственной безопасности СССР (НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ - далее КГБ) признается преступной

организацией за совершение военных преступлений, геноцид, репрессии, террор и политические преследования на оккупированной СССР территории Литвы.

Статья 2

Ограничения деятельности кадровых сотрудников КГБ в настоящее время

Бывшие сотрудники КГБ в течение 10 лет с даты вступления настоящего Закона в силу не могут работать в качестве должностных лиц и служащих в органах государственного, местного и военного управления, департаменте государственной безопасности, полиции, прокуратуре, судах, на дипломатической службе, таможнях, системе государственного контроля и в других органах, осуществляющих надзор за деятельностью государственных организаций, в качестве адвокатов и нотариусов, в банках и других кредитных организациях, в стратегических проектах экономического характера, охранных компаниях (структурах) и других, предоставляющих услуги в расследовании преступлений (детективные услуги), в системе связи, учреждениях просвещения в качестве преподавателей, воспитателей или руководителей учебных заведений [;] они также не могут выполнять работу, требующую наличия оружия.

Статья 3

Случаи неприменения ограничений

1. Ограничения, предусмотренные статьей 2, не применяются к бывшим кадровым сотрудникам КГБ, которые во время работы в КГБ занимались только расследованием уголовных дел и которые прекратили свою работу в КГБ не позднее 11 марта 1990 г.
2. Центр исследований геноцида и сопротивления литовского народа и Департамент государственной безопасности Литвы могут [рекомендовать], в форме мотивированного ходатайства, не применять предусмотренные настоящим Законом ограничения по отношению к тем бывшим кадровым сотрудникам КГБ, которые в течение 3 месяцев с даты

вступления Закона в силу обратятся в Департамент государственной безопасности Литвы и представят ... всю имеющуюся у них информацию о своей прошлой работе в этой организации и существующих отношениях с бывшими сотрудниками и агентами КГБ. Решение о неприменении ограничений принимается комиссией в составе трех человек, образованной Президентом Республики. Членами этой комиссии не могут являться сотрудники Центра исследований геноцида и сопротивления литовского народа и сотрудники Департамента государственной безопасности Литвы. Положение о комиссии утверждается Президентом Республики.

Статья 4

Порядок применения норм Закона

Порядок применения настоящего Закона определяется [специальным законом].

Статья 5

Вступление в силу настоящего Закона

Настоящий Закон вступает в силу 1 января 1999 г."

25. После рассмотрения Конституционным судом вопроса о соответствии данного Закона Конституции (см. ниже), 5 мая 1999 г. в статью 3 Закона были внесены изменения, согласно которым лица, работавшие в КГБ после 11 марта 1990 г., также могут иметь право на исключения по статье 3 Закона.

26. 16 июля 1998 г. был принят отдельный законодательный акт, касающийся порядка применения Закона, согласно которому Центру исследований геноцида и сопротивления литовского народа и Департаменту государственной безопасности Литвы предоставлено право давать заключение относительно того, является ли то или иное лицо "бывшим кадровым сотрудником КГБ" согласно положениям данного Закона.

27. 26 января 1999 г. правительство утвердило перечень должностей в структурах бывшего КГБ на территории Литвы, который подтверждал, что лица, занимавшие их, относились к

категории "бывших кадровых сотрудников КГБ", предусмотренной данным Законом. В перечень было включено 395 должностей.

28. 4 марта 1999 г. Конституционный суд рассмотрел вопрос о соответствии указанного Закона Конституции. Суд, в частности, указал, что Закон принят для осуществления мер по "чистке в целях безопасности" в отношении бывших сотрудников советских органов государственной безопасности, которые считались нелояльными к Литовскому государству. Конституционный суд также постановил, что запрещение бывшим сотрудникам КГБ занимать государственные должности не противоречит Конституции, и что законодательный запрет на осуществление ими определенных видов деятельности в некоторых частных сферах совместим с конституционным принципом свободного выбора профессии, поскольку государство имеет право предъявлять специфические требования к лицам, желающим получить работу в наиболее важных отраслях экономики с тем, чтобы гарантировать должное функционирование системы национальной безопасности, сферы образования и финансов. Конституционный суд также постановил, что предусмотренные Законом ограничения не означают предъявления бывшим сотрудникам КГБ уголовных обвинений.

29. Хотя Закон конкретно не гарантирует право на обращение в суд для обжалования заключений литовских органов безопасности, национальные суды признают, что увольнения с государственной службы на основании этих заключений на практике привели к увеличению количества административных жалоб (и последующих апелляций) в рамках общей судебной процедуры разрешения производственных конфликтов и рассмотрения дел о нарушениях прав граждан органами государственной власти на основании статей 4, 7, 8, 26, 49, 50, 59, 63 и 64 Административного процессуального кодекса, статьи 222 Гражданского кодекса и статьи 336 Гражданского процессуального кодекса (действовавших в соответствующий период).

III. НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ ОТНОСИТЕЛЬНО ОГРАНИЧЕНИЙ НА ТРУДОУСТРОЙСТВО ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ

30. Во многих посткоммунистических странах введены ограничения, целью которых является контроль за трудовой деятельностью бывших сотрудников госбезопасности и активных

сторонников прежних режимов. В этой связи международные организации по защите прав человека в ряде случаев указывали на неправомерность соответствующих норм, когда те не были точными или не соответствовали принципу соразмерности, квалифицируя их как дискриминацию по политическим убеждениям при трудоустройстве или осуществлении профессиональной деятельности (см. ниже). Возможность обращения в суд считается важной гарантией, хотя сама по себе она недостаточна, чтобы компенсировать недостатки законодательства.

31. Пункт 2 статьи 1 Европейской социальной хартии гласит:

«В целях обеспечения эффективного осуществления права на труд Стороны обязуются:

...

2) обеспечить эффективную защиту права работников зарабатывать себе на жизнь свободно выбираемым трудом [.]»

Это положение, дословно сохраненное в пересмотренной Европейской социальной хартии 1996 г. (вступившей в силу в отношении Литвы 1 августа 2001 г.), последовательно трактуется Европейским комитетом по социальным правам (ЕКСП) как норма, устанавливающая право на отсутствие дискриминации в сфере занятости. Гарантия запрета дискриминации следующим образом сформулирована в статье Е пересмотренной Европейской социальной хартии:

"Осуществление прав, изложенных в настоящей Хартии, обеспечивается без дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, здоровья, принадлежности к какому-либо национальному меньшинству, рождения или иным признакам статуса."

В свете указанных положений вопрос об увольнении государственных служащих по причине их прошлой деятельности при тоталитарных режимах рассматривался, по крайней мере, в отношении Германии. В самом последнем исследовании ЕКСП вопроса о соблюдении Германией пункта 2 статьи 1 Европейской социальной хартии (опубликованном в ноябре 2002 г.) он обратил внимание на те положения Договора о воссоединении Германии, которые допускают увольнение государственных служащих на

основании того, что они работали в органах государственной безопасности бывшей Германской Демократической Республики. Комитет сформулировал вывод о несоблюдении Германией своих обязательств следующим образом:

"Комитет отмечает отсутствие точного определения видов деятельности, к которым лица могут не допускаться либо в форме отказа в приеме на работу, либо увольнения, на основании их предыдущей политической деятельности или работы в органах бывшей ГДР, имевших отношение к вопросам безопасности".

Комитет рассмотрел также и вопрос о соответствии этих положений Договора статье 31 Европейской социальной хартии, согласно которой ограничения содержащихся в Хартии прав и обязательств допускаются, если они установлены законом, необходимы в демократическом обществе и преследуют одну из целей, перечисленных в этой статье. Признав, что эти положения Договора предусмотрены законом, как этого требует статья 31, равно как и преследуют одну из целей, перечисленных в ней, а именно защиту национальной безопасности, Комитет, тем не менее, пришел к мнению, что они не были необходимыми, согласно требованию статьи 31, поскольку их применение не ограничивалось работниками сферы обеспечения законности, правопорядка и национальной безопасности и видами деятельности, имеющими отношение к этой области.

ЕКСП проанализировал выполнение Литвой пересмотренной Европейской социальной хартии по состоянию на 28 мая 2004 г. Выводы Комитета будут обнародованы позже.

32. Международная организация труда (МОТ) также приняла ряд международно-правовых актов, имеющих отношение к данному вопросу. Прежде всего таким документом является Конвенция МОТ № 111 "О дискриминации в области труда и занятий" от 1958 г. В своем Общем обзоре за 1996 г. Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций вновь подтвердил своё прежнее толкование Конвенции МОТ № 111 на примерах, взятых из национальных законодательств. В отношении Германии позиция Комитета изложена следующим образом (пункт 196):

"Комитет не приемлет довод о том, что в случае обвинения того или иного лица в осуществлении политической деятельности в бывшей Германской Демократической Республике, чем больше было связано это лицо с несправедливым режимом в силу занимаемой

должности, тем большую вину он несет, и тем менее целесообразна его работа в сегодняшней администрации".

Вместе с тем, позднее Комитет выразил своё удовлетворение соблюдением немецкими судами принципа соразмерности в судебных делах по искам госслужащих в связи с увольнением (см. пункт 3 Отдельного заключения по Германии в отношении выполнения Конвенции № 111 в 2000 г.).

В докладе Комитета за 1996 г. приведены данные о наличии такого рода положений также и в национальных законодательствах ряда других европейских стран.

В Болгарии, в соответствии с разделом 9 ("Предварительные и заключительные положения") Закона 1992 г. "О банковской и кредитной деятельности", из работы в банковской сфере исключались лица, занимавшие определенные должности при прежнем режиме. В 1992 г. Конституционный суд Болгарии постановил, что данная норма является нарушением Конституции, а также Конвенции МОТ № 111.

В 1991 г. в бывшей Чехословакии был принят Закон о люстрации, запрещающий лицам, занимавшим определенные должности при прежнем режиме, работать на государственной службе, а также в некоторых сферах частного сектора. В 1996 г. Конституционный суд Словакии признал этот закон неконституционным, а затем и несовместимым с Конвенцией МОТ № 111. Однако закон продолжал действовать в Чешской Республике, и Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций призвал чешские власти к должному соблюдению принципа соразмерности при его применении.

В Латвии Закон о государственной гражданской службе 2000 г. и Закон о полиции 1999 г. запретили прием на работу лиц, работавших в советских органах госбезопасности или сотрудничавших с ними. В 2003 г. Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций следующим образом выразил свою озабоченность содержанием этих правовых документов:

"6. Комитет отмечает, что к определенной работе могут быть предъявлены требования политического характера, однако, для того чтобы гарантировать, что эти требования не вступают в противоречие с Конвенцией МОТ, они должны быть связаны с характером конкретной работы и должны быть соразмерны ее содержанию. В этой связи Комитет обращает внимание на то, что вышеупомянутые ограничения, установленные

рассматриваемыми правовыми актами, применяются в общем ко всей государственной службе и полиции, а не к конкретным работам, функциям или задачам. Комитет выражает озабоченность тем, что эти нормы, как представляется, выходят за рамки оправданных ограничений в отношении определенных видов работ, основанных на специфических требованиях таковых, как это предусмотрено пунктом 2 статьи 1 Конвенции. Комитет напоминает, что для того, чтобы принимаемые меры не считались дискриминацией согласно статье 4 Конвенции, они должны быть направлены против лиц, в отношении которых имеются обоснованные подозрения или доказательства причастности к деятельности, подрывающей безопасность государства. Статья 4 Конвенции не исключает из понятия "дискриминация" меры, принимаемые в отношении лица на основании его принадлежности к конкретной группе или общине. Комитет также обращает внимание на то, что в случаях, когда то или иное лицо может обоснованно подозреваться в деятельности, подрывающей безопасность государства, или доказано, что оно занимается такой деятельностью, это лицо должно иметь право обращения с жалобой в компетентный орган в соответствии с национальной практикой.

7. В свете вышеизложенного Комитет считает, что ограничения для кандидатов на государственные должности и на работу в полиции не имеют достаточно четкого определения и границ, чтобы гарантировать, что они не станут основой для дискриминации по политическим убеждениям в сфере труда и профессиональных занятий ... "

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ОТДЕЛЬНО И В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 14

33. Заявители утверждают, что существующий согласно статье 2 Закона запрет на их трудоустройство в ряде сфер частного сектора является нарушением статьи 8 Конвенции, взятой отдельно и в сочетании со статьей 14 Конвенции.

Статья 8 Конвенции предусматривает:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

Статья 14 Конвенции гласит:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам".

34. Правительство заявляет, что статья 8 неприменима в настоящем деле, поскольку она не гарантирует право на сохранение работы и на выбор профессии. Правительство также утверждает, что применение Закона по отношению к заявителям в любом случае преследовало законную цель защиты национальной безопасности, и что он необходим в демократическом обществе. Как считает правительство, Закон является не более чем оправданной люстрационной мерой в целях безопасности, призванной не допустить бывших сотрудников иностранной секретной службы к работе не только в государственных органах, но и в других сферах, важных с точки зрения безопасности государства. Закон не устанавливает коллективную ответственность всех без исключения бывших сотрудников КГБ. Он предусматривает индивидуальный подход к ограничениям возможностей их трудоустройства. Именно для этого был составлен перечень должностей в бывшем КГБ, который является основанием для применения ограничений по статье 2 Закона (см. пункт 27 выше). Тот факт, что заявители не имели права ни на одно из исключений, предусмотренных статьей 3 Закона, свидетельствует о существовании обоснованного

подозрения в отсутствии у них лояльности по отношению к Литовскому государству. Учитывая, что Закон затронул не всех бывших сотрудников КГБ, статья 14 Конвенции в данном деле неприменима. Соответственно, отсутствует и нарушение статьи 8 Конвенции, как взятой отдельно, так и в сочетании со статьей 14.

35. Заявители не согласны с этим утверждением правительства. Их жалобы касались, в частности, того факта, что их лишили возможности трудоустройства в ряде сфер частного сектора до 2009 г. по причине их статуса "бывших сотрудников КГБ". Заявители утверждали, что Закон не дает им возможности представить свои доводы о своей прошлой работе для оценки и установления их лояльности в отношении государства, и, тем самым, избежать применения ограничений на их трудовую деятельность, предусмотренных статьей 3 Закона. Первый заявитель, в частности, подчеркнул, что он ушел из КГБ в 1986 г., а второй заявитель - в 1990 г., то есть, соответственно, за 13 и 9 лет до вступления Закона в силу. Кроме того, первый заявитель утверждал, что после ухода из КГБ он активно участвовал в деятельности, способствующей обретению Литвой независимости. Второй заявитель, со своей стороны, подчеркнул, что он был награжден за свою работу прокурора по расследованию правонарушений, в том числе преступлений против государства. Однако ни одно из этих обстоятельств не рассмотрено национальными судами, наложившими ограничения на дальнейшую трудовую деятельность заявителей исключительно из-за их прошлой работы в КГБ. И, наконец, заявители утверждали, что вследствие негативной известности, которую они получили в связи с принятием "Закона о КГБ" и его применением по отношению к ним, они постоянно сталкиваются с проблемами из-за их прошлой работы.

1. Предмет жалоб заявителей в данной части дела

36. Суд обращает внимание на то, что эта часть жалоб заявителей не касается их увольнения с прежнего места работы в качестве налогового инспектора и прокурора соответственно. Кроме того, эта часть их жалоб не связана с невозможностью найти работу на государственной службе. Жалобы заявителей по статье 8 Конвенции, как взятой отдельно, так и в сочетании со статьей 14, касаются исключительно наложенного на них до 2009 г. запрета на поступление на работу в ряд сфер частного сектора. Данный запрет, вступивший в силу с 1999 г. в соответствии со статьей 2 Закона,

относится к следующим видам работы в частном секторе: “в качестве адвокатов и нотариусов, в банках и других кредитных организациях, в стратегических проектах экономического характера, охранных компаниях (структурах) и других, предоставляющих услуги в расследовании преступлений (детективные услуги), в системе связи, учреждениях просвещения в качестве преподавателей, воспитателей или руководителей учебных заведений [;] они также не могут выполнять работу, требующую наличия оружия.”

37. Эта часть жалоб заявителей связана с тем, что ограничения на трудовую деятельность были наложены на них по причине их прошлой работы в КГБ. По существу они считают, что это является дискриминацией. Поэтому Суд сначала рассмотрит жалобы заявителей по статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 8, а затем по статье 8, взятой отдельно.

2. Применимость статьи 14

38. Суд напоминает, что статья 14 Конвенции защищает лиц, находящихся в одинаковом положении, от необоснованных различий в обращении с ними при осуществлении ими прав и свобод, признанных в Конвенции. Данная статья не действует самостоятельно, а только в связи с осуществлением прав и свобод, гарантированных другими материальными нормами Конвенции и Протоколов к ней. Применение статьи 14, однако, не предполагает обязательного наличия нарушения одной или нескольких статей Конвенции, и в этом смысле статья 14 является автономной. Для применения статьи 14 достаточно, чтобы обстоятельства дела затрагивали другую материально-правовую статью Конвенции или Протоколов к ней (см., *mutatis mutandis*¹, дело *Inze v. Austria*, постановление от 28 октября 1987 г., Серия А № 126, § 36).

39. Поэтому, чтобы принять решение о применимости статьи 14 к настоящему делу, Суд сначала должен установить, имели ли место различия в обращении по отношению к заявителям, и, если это так, то относятся ли обстоятельства дела к сфере действия статьи 8 Конвенции.

(а) Имели ли место различия в обращении

¹ Лат. «с учетом различий» - прим. перев.

40. По мнению правительства, тот факт, что в прошлом заявители работали в КГБ, не может быть основанием для их жалоб по статье 14, поскольку Закон установил ограничения в отношении не всех бывших сотрудников КГБ. Правительство указало, что причиной ограничений на трудовую деятельность заявителей в соответствии с Законом является отсутствие у них лояльности к государству. Суд отмечает, что Закон действительно ограничил возможности трудоустройства не для всех без исключения бывших сотрудников советских органов государственной безопасности. Во-первых, статус "бывший сотрудник КГБ" получили только лица, занимавшие должности, указанные в перечне должностей от 26 января 1999 г. (см. пункт 27. выше). Во-вторых, даже лица, имеющие этот статус, могут воспользоваться исключениями, предусмотренными статьей 3 Закона, если во время работы в КГБ они занимались расследованием только уголовных, а не политических дел (см. пункт 24 выше). В-третьих, существовала возможность в течение трех месяцев после вступления Закона в силу 1 января 1999 г. обращаться с просьбой об отмене любых примененных ограничений в специальную президентскую комиссию, которая обладала таким правом (см. пункт 24 выше). И, наконец, оспариваемые результаты разбирательств в национальных судах по настоящему делу свидетельствуют о том, что суды исследовали вопрос о том, были ли заявители секретными информаторами литовских властей сразу же после провозглашения Литвой независимости в 1990 г., как возможное основание для снятия с них ограничений на трудовую деятельность (см. пункт 22 выше).

41. Тем не менее, остается фактом, что с заявителями обращались иначе, чем с другими гражданами Литвы, которые ранее не работали на КГБ и в силу этого не подвергались ограничениям в отношении выбора для себя сферы профессиональной деятельности. Кроме того, довод правительства о том, что целью Закона являлось регулирование возможностей трудоустройства лиц по признаку лояльности или нелояльности к государству, свидетельствует, что в этом отношении между заявителями и другими лицами также существовали различия в обращении. Эти различия являются для Суда достаточным доводом в настоящем деле с точки зрения требований статьи 14.

(б) Относятся ли к сфере действия статьи 8 обстоятельства, являющиеся предметом жалобы

42. Остается проанализировать, является ли невозможность трудоустройства заявителей на ряд работ в частном секторе вследствие запрета по статье 2 Закона посягательством на их "личную жизнь", защищаемую статьей 8 Конвенции.

43. Суд в ряде дел указывал, что понятие "личная жизнь" является широким термином, для которого невозможно исчерпывающее определение (см. в качестве недавнего примера дело *Peck v. the United Kingdom*, № 44647/98, § 57). Тем не менее, отмечалось, что статья 8 защищает моральную и физическую стороны жизни человека (см. судебное решение от 26 марта 1985 г. по делу "*X и Y против Нидерландов*" (*X and Y v. the Netherlands*), Серии А № 91, §§ 22-27), включая право на частную жизнь без нежелательного вмешательства. Эта статья также гарантирует человеку сферу, в рамках которой он или она могут свободно развиваться и реализовывать себя как личности (см. дело *Brüggeman and Scheuten v. German*, № 6959/75, отчет Комиссии от 12 июля 1977 г., Решения и отчеты (DR) 10, с. 115, § 55).

44. В деле *Niemietz v. Germany* Суд следующим образом высказался относительно понятия "личная жизнь" (постановление от 16 декабря 1992 г., Серия А № 251-В, § 29):

"Было бы слишком строго ограничить это понятие неким «узким кругом», в рамках которого каждый может жить своей собственной личной жизнью по своему усмотрению, и полностью исключить из него внешний мир. Уважение личной жизни должно также включать до некоторой степени право устанавливать и развивать отношения с другими людьми. Более того, кажется, нет принципиальных оснований, чтобы такое понимание "личной жизни" исключало деятельность профессионального и делового характера; именно в своей работе большинство людей имеют значительное, если не наибольшее, количество шансов развивать отношения с внешним миром. Эта точка зрения подтверждается тем фактом что ... не всегда возможно четко разграничить, какая деятельность человека составляет часть его профессиональной или деловой жизни, и какая таковой не является. Так, особенно в случае с лицом свободной профессии, работа может стать неотъемлемой частью жизни человека до такой степени, что становится невозможным определить, в качестве кого он действует в конкретный момент времени".

45. В недавнем деле *Smirnova v. Russia* Суд исследовал вопрос о том, как повлияло на личную жизнь заявительницы изъятие у неё

властями официального документа (внутреннего паспорта), хотя сама она конкретно не заявляла об этом как о нарушении ее права. Суд постановил, что одно лишь отсутствие паспорта в целом причиняло ей множество каждодневных неудобств, поскольку паспорт был необходим заявительнице в таких обычных ситуациях как обмен валюты или покупка билетов на поезд. Также было отмечено, в частности, что паспорт был необходим ей и для более жизненно важных случаев, например, при трудоустройстве и получении медицинского обслуживания. Суд постановил, что изъятие у заявительницы паспорта в деле *Smirnova* представляло собой продолжительное вмешательство в её "личную жизнь". (№ 46133/99 и № 48183/99, § 96-97, ECHR 2003 г.).

46. Суд также указывал, что вопрос доступа к государственной службе сам по себе не может быть основанием для жалоб на нарушение Конвенции (см. дело *Glaserapp and Kosiek v. Germany*, постановление от 28 августа 1986 г., Серия А № 104, § 49 и № 105, § 35). Этот принцип вновь был подтвержден в деле *Vogt v. Germany*, постановление от 26 сентября 1995 г. (Серия А № 323, §§ 43-44). В деле *Thlimmenos v. Greece*, постановление от 29 марта 2001 г. ([GC], № 34369/97, ECHR 2000-IV), где заявителю было отказано в должности бухгалтера в связи с его прошлой судимостью, Суд также заявил, что право на выбор определенной профессии, как таковое, Конвенцией не гарантировано (№ 34369/97, § 41, ECHR 200-IV).

47. Вместе с тем, учитывая принципы, преобладающие сейчас в демократических государствах, Суд считает, что широкий запрет на работу в частном секторе все же затрагивает сферу "личной жизни". В этом отношении Суд придает особый вес пункту 2 статьи 1 Европейской социальной хартии и его толкованию Европейским комитетом по социальным правам (см. пункт 31 выше), равно как и документам Международной организации труда (см. пункт 32 выше). Суд также напоминает, что не существует никакой жесткой границы между сферой социально-экономических прав и той областью, на которую распространяется Конвенция (см. дело *Airey v. Ireland*, постановление от 9 октября 1979 г., Серия А № 32, § 26).

48. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд обращает внимание на то, что в результате применения по отношению к заявителям статьи 2 Закона в период с 1999 г. по 2009 г. им запрещено заниматься профессиональной деятельностью в ряде сфер частного сектора в связи с их статусом "бывших сотрудников КГБ" (см. пункт 27 выше). Можно признать, что данный запрет не затронул возможностей заявителей заниматься

определенными видами профессиональной деятельности. Однако он в значительной степени повлиял на их возможности развивать отношения с внешним миром, а также создал им серьезные трудности в отношении возможностей зарабатывать на жизнь и, тем самым, имел очевидные отрицательные последствия для осуществления права на личную жизнь.

49. Суд также обращает внимание на доводы заявителей о том, что вследствие негативной известности, которую они получили в связи с принятием "Закона о КГБ" и его применением по отношению к ним, они постоянно сталкиваются с проблемами из-за их прошлой работы. Суд признает, что заявители продолжают жить и работать со статусом "бывших сотрудников КГБ", и что этот факт, сам по себе, можно рассматривать в качестве препятствия к установлению ими контактов с внешним миром, как в вопросах трудовой деятельности, так и других, а также то, что эта ситуация, несомненно, сказывается не только на их репутации, но и на осуществлении ими права на "личную жизнь". Суд согласен с тем, что статья 8 не может быть основанием для жалоб на потерю репутации, являющуюся результатом предсказуемых последствий собственных действий лица, например, совершения уголовного преступления. Однако, учитывая длительный период времени, истекший между развалом Советского Союза (с последующими политическими переменами в Литве) и вступлением в 1999 г. в силу оспариваемого Закона, разумно предположить, что заявители не могли предвидеть последствий, которые будет иметь для них работа в органах государственной безопасности. Во всяком случае, настоящее дело имеет большее значение для заявителей, чем защита своего доброго имени. В глазах общественности они представлены как лица, в прошлом связанные с репрессивным режимом. Таким образом, Суд считает, учитывая также широкий спектр ограничений на трудовую деятельность, которым были подвергнуты заявители, что возможный ущерб для их нормальной личной жизни должен считаться существенным фактором при определении того, попадают ли обжалуемые ими обстоятельства в сферу действия статьи 8 Конвенции.

50. В свете вышеизложенного, Суд считает, что оспариваемый запрет в существенной степени повлиял на возможности заявителей работать в различных сферах профессиональной деятельности и, как следствие, на осуществление права заявителей на уважение их "личной жизни", предусмотренного статьей 8. Из этого следует, что

статья 14 Конвенции применима в обстоятельствах настоящего дела в сочетании со статьей 8.

3. Соблюдение статьи 14

51. Согласно практике Суда, различие в обращении считается дискриминационным, если оно не имеет "объективного и разумного обоснования", то есть если оно не преследует "законную цель" или если отсутствует "разумная соразмерность между применяемыми мерами и преследуемой целью" (см. вышеупомянутое постановление по делу *Inze*, § 41).

52. Суд считает что, в принципе, государство обладает законным правом регулировать условия приема на государственную службу, а также на работу в частный сектор. В этой связи Суд вновь отмечает, что Конвенция не гарантирует право доступа к конкретному виду деятельности (см., *mutatis mutandis*, дело *Vogt v. Germany*, постановление от 26 сентября 1995 г., Серия А № 323, § 43, а также вышеупомянутое дело *Thlimmenos*, *ibid.*). В своих недавних решениях по делам *Volkmer* и *Petersen* в отношении Германии Суд в контексте статьи 10 Конвенции также постановил, что демократическое государство обладает законным правом требовать от государственных служащих лояльности по отношению к конституционным принципам, на которых основано общество (№ 39799/98 и № 39793/98 от 22 ноября 2001 г.).

53. Суд принял к сведению решение Конституционного суда Литвы от 4 марта 1999 г., в котором указано, что Закон, ограничивающий перспективы трудоустройства бывших сотрудников КГБ, преследовал цель гарантировать должное функционирование системы национальной безопасности, сферы просвещения и финансов (см. пункт 28 выше). В качестве обоснования этого запрета государство-ответчик в Суде указало на то, что причиной введения Законом ограничений на трудовую деятельность является не факт прошлой работы заявителей в КГБ, как таковой, а отсутствие у них лояльности к государству, о чем свидетельствует их работа в КГБ.

54. В этой связи Суд должен учитывать опыт Литвы в период советского правления, которое завершилось провозглашением ее независимости в 1990 г. Заявители не оспаривают, что деятельность КГБ противоречила принципам, гарантированным Конституцией Литвы и, конечно, Конвенцией. Литва стремится избежать повторения своего прошлого опыта, создавая свое государство

исходя, *inter alia*², из убеждения, что оно должно представлять собой демократию, способную защитить себя. В связи с этим необходимо также отметить, что в ряде Высоких Договаривающихся Сторон, успешно покончивших с тоталитарными режимами, были приняты правовые акты, аналогичные литовскому Закону 1999 г., которые ограничили возможности трудоустройства бывших сотрудников органов госбезопасности или активных сторонников прежнего режима (см. пункты 30-32 выше).

55. С учетом вышеуказанных соображений Суд признает, что ограничение, согласно Закону, возможностей трудоустройства заявителей и, следовательно, имевшие место различия в обращении по отношению к ним, преследовали правомерные цели защиты национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния страны, а также прав и свобод других лиц (см., *mutatis mutandis*, дело *Rekvényi v. Hungary*, [GC], № 25390/94, § 41, ECHR, 1999-III).

56. Остается установить, является ли оспариваемое особое обращение мерой, соразмерной преследуемым целям. Основной довод заявителей в Суде состоит в том, что ни Закон, ни разбирательства их дел в национальных судах не установили их нелояльности по отношению к Литовскому государству. Заявители утверждают, что подход к применению оспариваемых ограничений не был конкретным и что они наказаны исключительно из-за своего статуса "бывших сотрудников КГБ" без какого бы то ни было учета конкретных обстоятельств их дел. Суд, однако, по причинам, которые будут изложены ниже, не видит необходимости отвечать на вопрос, была ли у заявителей возможность доказать свою лояльность по отношению к государству или была доказана их нелояльность.

57. Даже если предположить, что отсутствие у заявителей лояльности к государству не оспаривалось, следует отметить, что возможности их трудоустройства были ограничены не только в отношении государственной службы, но также и в отношении ряда сфер частного сектора. Суд вновь подчеркивает, что требование лояльности к государству – важное условие для работы в государственных структурах, несущих ответственность за защиту и обеспечение интересов общества в целом. Однако это требование не является неизбежным в отношении работы в частных компаниях. И хотя экономическая деятельность участников частного сектора, безусловно, влияет на функционирование государства и вносит в

² Лат. «среди прочего» - прим. перев.

него свой вклад, они не являются носителями суверенных полномочий, которыми наделено государство. Более того, частные компании могут на законных основаниях преследовать цели, особенно в финансовой и экономической сферах, конкурирующие с целями, установленными для органов государственной власти или для государственных компаний.

58. По мнению Суда, ограничения, установленные государством в отношении возможностей трудоустройства граждан в частные компании по признаку отсутствия у них лояльности к государству, с точки зрения Конвенции, не могут обосновываться так же, как обосновываются ограничения доступа на государственную службу, независимо от того, сколь важной является та или иная частная компания в плане экономических и политических интересов государства или интересов его безопасности.

59. Кроме того, при рассмотрении вопроса о соразмерности оспариваемых мер Суд не может не обратить внимание на нечеткость Закона, с одной стороны, в отношении вопроса об отсутствии у заявителей лояльности к государству (предполагается ли ее отсутствие по причине их прошлой работы в КГБ, или оно должным образом доказывается фактами), и, с другой стороны, в отношении необходимости применения ограничений к работе в ряде сфер частного сектора. В частности, статья 2 Закона очень кратко перечисляет те сферы частного сектора, из которых должны быть исключены заявители как лица, нелояльные к государству (см. пункты 24 и 40 выше), однако, кроме указаний на "адвокатов" и "нотариусов" Закон не определяет конкретных видов работ, функций или задач, которыми заявителям запрещено заниматься. В результате невозможно установить какую-то разумную связь между запрещенными видами работ и правомерными целями, которые преследуются запретом на эти виды работ. Суд считает, что в подобной законодательной схеме отсутствуют необходимые гарантии недопущения дискриминации, равно как и гарантии надлежащего судебного контроля за применением таких ограничений (см., *inter alia*, приведенные в пункте 32 выше выводы Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций Международной организации труда в отношении условий доступа к государственной службе, установленных аналогичным законодательством Латвии).

60. В заключение Суд обращает внимание на то, что данный Закон вступил в силу в 1999 г., то есть, почти через десять лет после провозглашения Литвой независимости 11 марта 1990 г. В

результате, ограничения на профессиональную деятельность заявителей были введены, соответственно, через 13 лет и 9 лет после их ухода из КГБ. Этот фактор запоздалого принятия Закона, не будучи решающим сам по себе, может, тем не менее, иметь определенное значение для общей оценки соразмерности принятых мер преследуемым целям.

61. С учетом изложенных выше соображений Суд считает, что запрет на работу заявителей в ряде сфер частного сектора на основании статьи 2 Закона является несоразмерной мерой, даже с учетом законности целей, преследуемых запретом.

62. Таким образом, имело место нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8.

4. Жалобы заявителей по статье 8, взятой отдельно.

63. Суд считает, что поскольку установлено нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8, нет необходимости рассматривать также вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 8, взятой отдельно.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ОТДЕЛЬНО И В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 14

64. Заявители указали в жалобах, что их увольнение с работы в государственных структурах, равно как и другие ограничения в вопросах их трудоустройства, явились нарушением статьи 10 Конвенции в сочетании со статьей 14.

Статья 10 Конвенции предусматривает:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование

радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

65. Правительство считает, что статья 10 неприменима в настоящем деле, и что применение Закона в отношении заявителей в любом случае преследовало правомерную цель защиты национальной безопасности и было необходимо в демократическом обществе ввиду отсутствия у заявителей лояльности по отношению к государству. Заявители не были наказаны за свои взгляды, ни за те, которых они придерживаются сегодня, ни за те, которые у них могли быть в прошлом. Закон не устанавливает коллективную ответственность всех без исключения бывших сотрудников КГБ. Тот факт, что заявители не смогли воспользоваться ни одним из исключений, предусмотренных статьей 3 Закона, свидетельствует о наличии обоснованного подозрения в отсутствии у них лояльности по отношению к Литовскому государству. Соответственно, не было нарушения статьи 10 Конвенции, как взятой отдельно, так и в сочетании со статьей 14.

66. Заявители не согласились с этим утверждением правительства. Они, в частности, указали, что потеряли работу и были лишены возможности найти себе подходящее занятие по причине их прошлых взглядов, отражением которых считалась их работа в КГБ. Их личная лояльность к Литовскому государству никогда не подвергалась сомнению во время разбирательств в национальных судах. Кроме того, у них не было возможности представить в литовских судах доводы в подтверждение своей лояльности. Закон огульно наказывает всех бывших сотрудников КГБ независимо от того, чем конкретно каждый из них занимался в прошлом. В сложившейся ситуации их увольнение с работы несоразмерно с

достижением общественных целей, которые могли преследоваться Законом. На протяжении всего периода работы в качестве, соответственно, налогового инспектора и прокурора, они были преданы идее независимости Литвы и демократическим принципам, провозглашенным в Конституции страны. В силу этого заявители считают, что их увольнение с работы, а также запрет на их трудоустройство в государственных ведомствах и в ряде частных структур является нарушением статьи 10 и статьи 14 Конвенции.

67. Таким образом, вопрос применимости статьи 10 Конвенции к настоящему делу является предметом разногласий между сторонами. В этой связи Суд напоминает, что вопрос доступа к государственной службе, сам по себе, не может быть основанием для жалоб на нарушение Конвенция (см. упомянутое выше постановление по делу *Glaserapp and Kosiek v. Germany*, § 49 и § 35; этот принцип также подтвержден в вышеуказанном постановлении по делу *Vogt v. Germany*, §§ 43-44). В упомянутом выше постановлении по делу *Thlimmenos v. Greece*, где заявителю было отказано в должности бухгалтера в связи с его прошлой судимостью, Суд также заявил, что право на выбор определенной профессии, как таковое, Конвенцией не гарантировано (*loc.cit.*, § 41).

68. Признавая, что Суд уже приходил к выводу, что увольнение государственного служащего или должностного лица по политическим мотивам может явиться основанием для жалоб на нарушение статьи 10 Конвенции (см. вышеупомянутые постановления по делу *Vogt*, а также *Volkmer* и *Petersen*, *ibid.*), Суд, однако, обращает внимание на то, что в этих делах ограничения на трудоустройство заявителей были связаны конкретно с их деятельностью как членов коммунистической партии Западной Германии (*Vogt*) или лиц, сотрудничавших с режимом в бывшей Германской Демократической Республике (*Volkmer* и *Petersen*).

69. В настоящем же деле оба заявителя подверглись ограничениям на трудовую деятельность не в результате обычного судебного разбирательства в рамках трудового законодательства, а вследствие применения к ним специального внутреннего законодательного акта, вводящего люстрационные меры в связи с их прошлой работой в КГБ. С учетом содержания решений национальных судов по делам заявителей представляется, что национальные суды были озабочены исключительно установлением характера прошлой работы заявителей в КГБ, а не определением обстоятельств каждого конкретного дела, например, того, каких взглядов заявители

придерживались или какие мнения они высказывали во время и после их работы в КГБ.

70. Кроме того, в вышеупомянутых делах против Германии факт вмешательства властей в право, гарантированное статьей 10 Конвенции, был установлен Судом на основании того, что заявители были уволены с преподавательской работы, то есть с работы, которая, по своей сути, связана с ежедневным распространением идей и информации. Суд не убежден в том, что в настоящем деле увольнение заявителей с их прежней работы (в качестве, соответственно, налогового инспектора и прокурора) или невозможность их трудоустройства по специальности (в качестве, соответственно, преподавателя физкультуры и юриста) равносильно ограничению их возможности выражать свои мнения и взгляды в той же степени, как это имело место в вышеупомянутых судебных делах против Германии.

71. Поэтому Суд считает, что применение к заявителям ограничений на трудовую деятельность в соответствии с Законом не затрагивает их право свободно выражать своё мнение. Из этого следует, что статья 10 Конвенции в настоящем деле не применима.

72. Поскольку жалобы заявителей в этой части имеют отношение к статье 14 Конвенции, Суд напоминает, статья 14 не действует самостоятельно, а только в связи с осуществлением прав и свобод, гарантированных другими материальными нормами Конвенции и Протоколов к ней. Применение статьи 14, однако, не предполагает обязательного наличия нарушения одной или нескольких статей Конвенции, и в этом смысле статья 14 является автономной. Для применения статьи 14 достаточно, чтобы обстоятельства дела затрагивали другую материально-правовую статью Конвенции или Протоколов к ней (см. вышеупомянутое дело *Thlimmenos, ibid.*). Поскольку Суд пришел к выводу, что статья 10 в настоящем деле не применима, не существует также и основания для применения статьи 14 в связи с жалобой заявителей на нарушение статьи 10.

73. Таким образом, не было нарушения статьи 10 Конвенции, взятой отдельно и в сочетании со статьей 14.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

74. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь

частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

75. Первый заявитель предъявил требование о возмещении ему материального ущерба в размере 257154 литовских литов (около 74365 евро), причиненного ему в результате ограничений на его трудовую деятельность согласно Закону. Он также потребовал 500.000 литовских литов (144.592 евро) в качестве компенсации морального вреда.

76. Второй заявитель предъявил требование о возмещении ему 201.508,54 литовских литов (58.273 евро) в качестве возмещения материального ущерба и 75.000 литовских литов (21.689 евро) - в качестве компенсации морального вреда.

77. Правительство считает эти требования чрезмерными.

78. Суд напоминает, что было установлено нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8 в результате примененных к заявителям в соответствии с Законом ограничений на трудовую деятельность. Суд считает, что в этой связи заявителям мог быть причинен определенный материальный ущерб и моральный вред. Учитывая требование справедливости, Суд присуждает в этой части каждому из заявителей по 7000 евро.

Б. Судебные издержки и расходы

79. Первый заявитель предъявил требование о выплате ему 40.000 литов (11.567 евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов, понесенных в связи с разбирательством его дела в органах Конвенции. Второй заявитель предъявил аналогичное требование на сумму 31.860 литов (9.213 евро).

80. Правительство считает эти требования чрезмерными.

81. В соответствии с устоявшейся практикой Суда, судебные издержки и расходы присуждаются по статье 41, если установлено, что они действительно имели место, были необходимыми, а также разумными по величине. Кроме того, судебные затраты подлежат возмещению, только если они связаны с установленным нарушением (см. дело *Former King of Greece and Others v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], № 25701/94, 28 ноября 2002 г., § 105).

82. Суд отмечает, что в соответствии с установленным Судом порядком оказания помощи в оплате юридических услуг заявителям уже предоставлялись средства. Адвокату первого заявителя были выплачены 2.318,63 евро, а адвокату второго заявителя – 2.225,95 евро за подготовку и представление объяснений заявителей и дополнительных замечаний, участие адвокатов в слушании дела и проведение переговоров по мировому соглашению.

83. Учитывая требование справедливости, Суд присуждает каждому из заявителей по 5000 евро в качестве компенсации их судебных издержек и расходов за вычетом тех сумм, которые были ранее выплачены им в соответствии с установленным Судом порядком оказания помощи в оплате юридических услуг (2.318,63 евро и 2.225,95 евро, соответственно). Таким образом, Суд присуждает 2.681,37 евро в качестве возмещения судебных расходов первому заявителю и 2.774,05 евро в качестве возмещения судебных расходов второму заявителю.

В. Проценты в случае просроченного платежа

84. Суд считает правильным определить процентную ставку за просроченный платеж в размере предельной процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8 Конвенции.
2. *Постановил* пятью голосами против двух, что нет необходимости принимать решение по жалобам заявителей на нарушение статьи 8 Конвенции, взятой отдельно.
3. *Постановил* единогласно, что отсутствует нарушение статьи 10 Конвенции, взятой отдельно и в сочетании со статьей 14 Конвенции.
4. *Постановил* пятью голосами против двух,
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить каждому из заявителей в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, по 7.000 евро (семь тысяч) в качестве компенсации

материального ущерба и морального вреда, а также 2.681, 37 евро (две тысячи шестьсот восемьдесят один евро и тридцать семь центов) первому заявителю в качестве возмещения судебных расходов и 2.774,05 евро (две тысячи семьсот семьдесят четыре евро и пять центов) второму заявителю в качестве возмещения судебных расходов, плюс средства на уплату любых возможных налогов, с конвертацией указанных сумм в валюту государства-ответчика по курсу на день платежа;

(б) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока на присужденные суммы выплачиваются простые проценты в размере предельной годовой ставки по займам Европейского центрального банка в течение периода неплатежа, плюс три процентных пункта.

5. *Отклонил* единогласно остальные требования заявителей о выплате справедливой компенсации

Совершено на английском языке и письменное уведомление направлено 27 июля 2004 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

С. Долле
Секретарь

Л.Лукаидес
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются отдельные мнения следующих судей:

- (а) частично совпадающее мнение г-жи Муларони;
- (б) частично особое мнение г-на Лукадеса;
- (в) частично особое мнение г-жи Томассен.

Л.Л.
С.Д.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МУЛАРОНИ

Я предпочла бы, чтобы Суд рассмотрел жалобы заявителей по статье 8 Конвенции, взятой отдельно, и сделал вывод, что нет необходимости принимать решение по жалобам заявителей по статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 8. Тем не менее, я согласилась голосовать вместе с большинством, поскольку считала, что в данном деле важно принять постановление о нарушении статьи 8.

Я полностью разделяю соображения, изложенные в пунктах 52-61 постановления Суда.

Однако я не могу согласиться с содержанием пункта 49.

Я считаю, что не заслуживает внимания Суда довод заявителей о том, что вследствие негативной известности, которую они приобрели в связи с принятием 16 июля 1998 г. "Закона о КГБ" и его применением по отношению к ним, они постоянно сталкиваются с проблемами из-за их прошлой работы. Заявители работали в КГБ и они не оспаривали, что деятельность КГБ противоречила принципам, гарантированным Конституцией Литвы и Конвенцией (см. пункт 54). Суд признал, что ограничение возможностей трудоустройства заявителей на основании оспариваемого Закона преследовало правомерные цели защиты национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния страны, а также прав и свобод других лиц (см. пункт 55 выше).

Каждый должен отвечать за последствия совершенных в его жизни поступков, и тот факт, что заявители продолжают испытывать трудности, имея статус "бывших сотрудников КГБ", по моему мнению, никак не связан с вопросом о применимости к их делу статьи 8 Конвенции или с вопросом о её нарушении. Довод заявителей о том, что они клеймены обществом за прошлую связь с репрессивным режимом, как мне представляется, не имеет никакого отношения к ответственности государства за нарушение статьи 8 Конвенции.

Кроме того, я считаю, что довод о том, что заявители не могли предвидеть последствий для себя своей работы в КГБ, в равной степени не имеет отношения к вопросу о применимости статьи 8 или её нарушения. Если согласиться с таким подходом, то любой акт, даже самый предосудительный, совершенный находившимся у власти диктатором, может быть оправдан путем предъявления

обвинения в нарушении Конвенции пришедшему ему на смену новому демократическому режиму. В этой связи не следует забывать требование статьи 17 Конвенции: "Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных ... в Конвенции".

Для меня решающее значение имеет то, что запрет на трудоустройство в серьезнейшей степени затронул возможности заявителей осуществлять ряд видов трудовой деятельности и, тем самым, нарушил их право на уважение их личной жизни, защищаемое статьей 8. Я согласна с большинством, что лишение заявителей возможности трудоустройства в ряде сфер частного сектора из-за наличия законодательного запрета является непропорциональной мерой, даже с учетом правомерности целей, преследуемых запретом. Одного этого было бы достаточно, чтобы привести Суд к выводу, что в деле заявителей была нарушена статья 8 Конвенции.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУКАДЕСА.

Я не согласен с большинством в том, что статья 14 применима в настоящем деле, по следующим причинам:

В соответствии с устоявшейся практикой Суда статья 14 защищает права лиц, поставленных в "аналогичное", или "подобное", или "по существу подобное" положение (см. дело *Marckx v. Belgium*, постановление от 13 июня 1979 г., Серия А № 31, § 32; дело *Van der Mussele v. Belgium*, постановление от 23 ноября 1983 г., Серия А № 70, § 46; дело *Fredin v. Sweden* (no.1), постановление от 18 февраля 1991 г., Серия А № 192, § 60; дело *Stubbings and Others v. the United Kingdom*, постановление от 22 октября 1996 г., Сборник 1996-IV, § 72). Поэтому, как указывалось в предыдущих постановлениях:

"Для удовлетворения жалобы на нарушение этой статьи должно быть установлено, *inter alia*, что положение предполагаемого потерпевшего можно считать аналогичным положению тех лиц, с которыми обращались лучше" (см. дела *Fredin* и *Stubbings*, *op. cit.*).

При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать цели и результаты применения Закона или соответствующей меры. Исследуемый нами Закон накладывает ограничения на профессиональную деятельность лиц, в прошлом работавших в КГБ, деятельность которого противоречила принципам, гарантируемым Конституцией Литвы и Конвенцией. Целью Закона является защита национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц путем исключения возможности повторения прошлого опыта в результате действий, аналогичных действиям КГБ, со стороны лиц, ранее работавших в этой организации. Поэтому очевидно, что оспариваемые ограничения, предусмотренные Законом, были напрямую связаны со статусом бывших сотрудников КГБ, которыми являлись заявители.

Большинство судей пришло к выводу, что статья 14 применима в настоящем деле, поскольку с заявителями обращались иначе, чем с другими гражданами Литвы, которые ранее не работали в КГБ (см. пункт 41 выше). Однако, в свете вышеизложенного, я не вижу, каким образом люди, не работавшие в КГБ, могли находиться в положении "аналогичном", "подобном" или "по существу подобном" тому, в котором находились лица, там работавшие.

Хотя я считаю, что статья 14 в настоящем деле не применима, все же, по моему мнению, ограничения на профессиональную деятельность заявителей, учитывая обстоятельства дела,

изложенные в постановлении, были настолько обременительными и несоразмерными преследуемой цели, что представляли собой необоснованное вмешательство в личную жизнь заявителей. Соответственно, я считаю, что нарушение статьи 8 Конвенции имело место.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОМАССЕН.

Я голосовала против решения большинства о том, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8.

Мне трудно определить как "дискриминационные" те меры, которые были приняты в отношении бывших сотрудников КГБ. Принцип недопущения дискриминации, признанный в конституциях европейских стран и международных договорах, касается, прежде всего, тех случаев, когда речь идет об ограничениях, которые связаны с индивидуальным выбором каждого, поскольку этот выбор следует уважать как элемент проявления личности, например, выбор религии, политических убеждений, сексуальной ориентации и половой самоидентификации, или, напротив, об ограничениях, которые связаны с индивидуальными характеристиками, в отношении которых выбор вообще невозможен, например, по признаку пола, расы, физических недостатков, возраста.

По моему мнению, работа в КГБ не подпадает под какую-либо из этих категорий.

Если с бывшими сотрудниками КГБ действительно обращались иначе, чем "с другими гражданами Литвы, которые ранее не работали на КГБ" (пункт 41 выше), то это различие не относится к сфере применения статьи 14, поскольку оно касается доступа к тем или иным видам деятельности, а право на свободный выбор профессии Конвенцией не гарантируется (см., *mutatis mutandis*, постановление по вышеупомянутому делу *Thlimmenos*, § 41).

Тем не менее, я согласна с тем, что применение Закона, который сам по себе преследовал правомерную цель, имело столь общий характер, что значительно повлияло на право заявителей развивать отношения с внешним миром, защищенное статьей 8 (см. дело *Pretty v. the United Kingdom*, постановление от 29 апреля 2002 г., № 2346/02, § 61, ECHR, 2002-III), и поэтому представляет собой вмешательство в их личную жизнь. Ввиду ряда обстоятельств настоящего дела, например, того факта, что данный Закон был применен в отношении заявителей через много лет после их ухода из КГБ и много лет после получения Литвой независимости и без всякого учета специфики каждого индивидуального дела, указанное вмешательство властей нельзя считать соразмерным преследуемым целям. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.